

Бредихин Владимир Евгеньевич

АГРАРНЫЙ СЕКТОР ТАМБОВЩИНЫ: 1941-1945 ГГ.

В статье рассматриваются проблемы тамбовской деревни периода Великой Отечественной войны, а именно состояние материально-технической базы колхозов, структура посевных площадей, ход сельскохозяйственных и государственных заготовительных кампаний, особенности труда колхозного крестьянства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/2/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 21-28. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Засуха и голод 1946-1947 гг. поставили в тяжёлое положение практически всё население Тамбовщины. Отчасти и поэтому были перебои с питанием в детдомах. Недостаток квалифицированных кадров в первые послевоенные годы отрицательно сказался на руководстве не только детдомов, но и самой комсомольской организации.

Таким образом, недостатки в работе детдомов и шефстве над ними комсомолом, имели в первую очередь объективный характер. К чести комсомольских организаций изучаемого периода эти недостатки не пытались скрывать. Было сделано не всё, что планировалось. Но сделано было немало, постоянно предпринимались попытки совершенствования работы. Одна из самых трудных проблем послевоенного времени решалась, благодаря во многом комсомолу, всё более эффективно.

Список литературы

1. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. 232 с.
2. Слезин А. А. Институализация комсомола как государственного органа: теоретическая основа // Политика и общество. 2008. № 4.
3. Слезин А. А. Огосударствление комсомола: неоднозначность последствий // Юридический мир. 2006. № 9.
4. Слезин А. А. Этапизация комсомола: этап второй // Вестник ТГТУ. 2009. Т. 15. № 1.
5. Товарищ комсомол: документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. 1918-1968: в 2-х тт. М., 1969. Т. 2: 1941-1968.
6. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 1184. Оп. 1.
7. ЦДНИТО. Ф. 1185. Оп. 1.

KOMSOMOL PATRONAGE OVER ORPHANAGES (ON THE BASIS OF TAMBOV REGION HISTORY OF THE 1946-1953s)

Belyaev A. A.

*History and Philosophy Department
Tambov State Technical University
art313@yandex.ru*

Abstract. The state of orphanages is analyzed and the important role of Komsomol in the liquidation of homelessness and neglect in post-war Soviet society is shown.

Key words and phrases: Komsomol; orphanage; patronage; staff; nationalization; daily occurrence; orphans; homelessness; neglect.

АГРАРНЫЙ СЕКТОР ТАМБОВЩИНЫ: 1941–1945 ГГ.

Бредихин В. Е.

*Кафедра истории и философии
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»
hist@nnn.tstu.ru*

Статья рекомендована к публикации д.и.н., проф. Щербининым П. П. и к.и.н., доц. Дьячковым В. Л.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы тамбовской деревни периода Великой Отечественной войны, а именно состояние материально-технической базы колхозов, структура посевных площадей, ход сельскохозяйственных и государственных заготовительных кампаний, особенности труда колхозного крестьянства.

Ключевые слова и фразы: война; Тамбовская область; сельское хозяйство; мобилизация; колхозное крестьянство; труд; государственные заготовки.

Самым тяжелым испытанием война стала для тамбовского крестьянства – основного поставщика для фронта и промышленности людских резервов, продовольствия и сырья. На протяжении войны сельское хозяйство являлось объектом беспощадной эксплуатации со стороны государства, сумевшего путем беспримерной в истории перекачки ресурсов села в оборонную отрасль добиться военного превосходства над противником и сокрушить фашизм.

К началу войны сельскохозяйственный сектор занимал доминирующее положение в структуре народного хозяйства Тамбовского края. Численность сельского населения Тамбовщины составляла к началу 1941 г. примерно 1540 тыс. человек, из которых 720 тыс. трудоспособного возраста [5, с. 5; 22, с. 61]. Численность

трудоспособного (старше 16 лет) населения колхозов составляла 458,3 тыс. человек, включая 30,7 тыс. сельскохозяйственных рабочих и служащих. Кроме того, в колхозах имелось 100,5 тыс. подростков 12–16 лет – важный рабочий ресурс в предстоящей войне [12, с. 168, 235; 18, с. 961; 22, с. 183; 5, с. 10].

В структуре посевных площадей, величина которых в 1940 г. составляла 1750,5 тыс. га, традиционно преобладали зерновые культуры – рожь, пшеница, ячмень, просо, овес, гречиха (77,8% посевов). Технические культуры – сахарная свекла, подсолнечник, махорка, составляли всего 10,2% посевов, картофель и овощи – 5,9% [14, с. 88, 90]. Средняя урожайность зерновых в предвоенные годы оставалась весьма низкой, колеблясь в пределах 3–6 ц. с га. (в 1940 г. – 7,3 ц.). Велики были потери зерна в ходе уборки, достигая 20–30%. Тем не менее, область в 1940 г. собрала 995,5 тыс. тонн зерновых, сдав государству в счет обязательных хлебопоставок 484,2 тыс. тонн продукции – на 70% больше, чем в 1939 г [14, с. 94, 96; 18, с. 957; 22, с. 109; 7, с. 17; 9, с. 297].

Тяжелым к началу 1940-х гг. продолжало оставаться положение в животноводстве, не сумевшем оправиться от последствий коллективизации. поголовье скота к началу войны в среднем составляло 40–50% от показателя 1928 г. В 1940 г. поголовье скота Тамбовской области включало 160,9 тыс. лошадей, 319,9 тыс. голов крупного рогатого скота (из них 180,4 тыс. коров), 166,8 тыс. свиней и 774,6 тыс. овец и коз. Производство важнейших продуктов животноводства, таких как мясо и молоко, составило в предвоенном году соответственно 56,1 тыс. и 305 тыс. тонн. Объем государственных закупок составил по мясу 16,3 тыс. тонн, по молоку – 28,8 тыс. тонн, то есть соответственно 29% и 9% от их производства [14, с. 101, 113; 22, с. 109; 11, с. 65].

Результатом осуществленной государством в 1930-е гг. политики коллективизации явилось коренное изменение к 1941 г. структуры сельскохозяйственного сектора Тамбовщины, основу которого составили крупные кооперативные и государственные предприятия – колхозы и совхозы. В 1940 г. в области насчитывалось 3206 колхозов и 49 совхозов, в пользовании которых находилось 93,5% всех посевных площадей (1636,1 тыс. га.) [13, с. 61, 66]. Крупные сельскохозяйственные предприятия края накануне войны играли решающую роль в производстве таких видов продукции как хлеб (98% от общего производства), сахарная свекла (100%), подсолнечник (97,4%). В то же время единоличные крестьянские хозяйства и подсобные хозяйства колхозников по-прежнему являлись главным производителем картофеля (86,3%), овощей (58,5%), мяса (69,7%), молока (89,7%) [22, с. 113, 119]. Приведенные соотношения наглядно иллюстрируют роль крупного и мелкого сельскохозяйственного производства Тамбовской области в обеспечении фронта и промышленных предприятий продовольствием и сырьем в годы войны. И все же главным поставщиком сельскохозяйственной продукции для государства накануне войны являлись колхозы и совхозы, обеспечивая государственные закупки по зерновым, масляничным и овощным культурам на 100%, молоку и мясу – на 50% [14, с. 96, 113]. От состояния материальной базы сельхозпредприятий напрямую зависело решение важнейших государственных задач.

Относительно крупными и технически оснащенными в Тамбовской области перед войной являлись государственные сельхозпредприятия – совхозы. В среднем на один совхоз в 1940 г. приходилось 2322 га посевных площадей, 312 рабочих, 330 л.с. тракторного парка, 6 зерноуборочных комбайнов, 4 грузовых автомобиля, 102 коровы, 157 лошадей [13, с. 62; 11, с. 66, 102]. Однако вклад совхозов в валовой сельскохозяйственный продукт области был незначителен – на их долю приходилось всего 6,5% посевных площадей, 4% крупного рогатого скота, 29% свиней, 0,4% овец и коз и 4,8% конского поголовья [11, с. 51, 66].

Основным каналом поступления сельскохозяйственных ресурсов Тамбовщины для государственных нужд накануне и в годы войны являлся колхозный сектор, на долю которого в 1940 г. приходилось 87% посевных площадей, 34% крупного рогатого скота, 48% свиней, 25% овец и коз и 87% конского поголовья. В 1940 г. колхозы сдали государству 442 тыс. т. хлеба, 11,6 тыс. т. мяса и 18,1 тыс. т. молока, выполнив плановые задания соответственно на 58,2%, 76,6% и 75,1% [Там же, с. 54, 66; 18, с. 958]. Однако материальная база тамбовских колхозов, несмотря на бурный рост машиностроения в стране в 1930-е гг., к началу войны оставалась на низком уровне. Являясь формально общественными организациями, колхозы не получали государственных дотаций и не имели собственного машинно-тракторного парка, используя за плату технику государственных машинно-тракторных станций – МТС. Абсолютное большинство колхозов были мелкими. В 1940 г. в среднем на один тамбовский колхоз приходилось 475 га посевных площадей, 20 л.с. живой тяговой силы, 125 работников, 4–5 коров, 44 лошади, на 5 колхозов приходилась одна грузовая автомашинка. Технические мощности 83 МТС области распределялись следующим образом: на каждый колхоз приходилось 30 л.с. тракторного парка и 0,7 зерноуборочных комбайна. Перед войной наблюдалась определенная нехватка кадров механизаторов: число трактористов составляло 80%, а комбайнёров – 82% от требуемого [13, с. 63; 11, с. 91, 92, 111; 18, с. 960]. Оставалась острой проблема качества колхозных кадров, в первую очередь управленцев и специалистов сельского хозяйства.

Перевод аграрного сектора Тамбовщины с конца 1920-х гг. на рельсы крупного производства позволил к началу войны резко повысить уровень его механизации: в 1940 г. в сельском хозяйстве края было задействовано 6730 тракторов, 2387 комбайнов, 1924 грузовых автомобиля [13, с. 82]. Однако процесс механизации сельскохозяйственных работ далек от завершения: в 1940 г. сев зерновых в колхозах был механизирован в среднем на 52%, уборка – на 41%, посадка картофеля – на 0,1% [11, с. 96; 18, с. 956]. Сельхозтехника была маломощной и низкопроизводительной. Применение минеральных и органических удобрений едва ограничивалось 10% посевных площадей. Из-за несовершенной системы материального стимулирования кол-

хозников (годовая выработка колхозника исчислялась в трудоднях, по которым колхоз, предварительно выполнив обязательства перед государством, осуществлял натуральные выплаты) серьезной оставалась проблема качества и производительности их труда. В 1940 г. 20% колхозников не выработало положенного минимума (80) трудодней [18, с. 956, 961, 962].

Таким образом, к началу войны сельское хозяйство области, несмотря на рост его технической оснащенности, подошло с грузом старых и новых проблем, обусловленных насаждением колхозной системы производства. Тем не менее, фактическое огосударствление аграрного сектора повысило его мобилизационные возможности, что сыграло позитивную роль в период войны с Германией.

Война наряду с увеличением нагрузки на тыловые сельскохозяйственные регионы страны, в том числе Тамбовскую область (по причине утраты уже в 1941 г. 1/3 общесоюзных посевных площадей, дававших 50% производимого в стране зерна), усилила трудности технического и кадрового характера. В короткие сроки в армию была мобилизована основная часть мужского трудоспособного населения и направлена вся исправная сельхозтехника – трактора и грузовые автомобили, а также лошади.

К 1942 г. тракторный парк Тамбовской области даже с учетом эвакуированной техники сократился примерно на 15%, а к 1944 г. – на 29%, составив к концу войны 77% от довоенной численности (5209 машин) [1, с. 32; 13, с. 82; 23, д. 553, л. 73, д. 554, л. 37]. Еще более упал объем тракторных работ в сельском хозяйстве, составив в 1942 г. 35%, а в 1943 г. – 38% по отношению к 1940 г., что объяснялось значительным, в сравнении с предвоенным периодом, снижением годовой выработки тамбовских тракторов: до 38% в 1942 г. и 43% в 1943 г. (соответственно 159 и 178 га) [9, с. 286]. Парк комбайнов за годы войны практически не изменился, составив в 1945 г. 97% к довоенному (2309 машин), однако средняя годовая производительность одного комбайна снизилась до 22% в 1942 г. и 33% в 1943 г. (соответственно 57 и 85 га) [13, с. 82; 9, с. 286]. Причина данных явлений крылась в снижении уровня квалификации кадров механизаторов и предельном износе оставшейся в селе техники, которая требовала трудоемкой работы по сбору запасных частей и постоянного ремонта. Так, в ходе сельскохозяйственной кампании 1943 г. в Тамбовской области постоянно выходило из строя от 30 до 50% тракторов [23, д. 554, л. 36, д. 598, л. 13об., 16 об., 19, 20, д. 632, л. 5, д. 634, л. 50]. К концу войны примерно на 1/3 в колхозах и совхозах сократилось количество сельскохозяйственных орудий – тракторных плугов, культиваторов, сеялок [13, с. 84]. Несвоевременность и низкое качество ремонтных работ регулярно оборачивалось срывом сроков и планов сева и подъема паров в годы войны. Особенно тяжелое положение сложилось с сельским грузовым автотранспортом, количество которого даже в 1945 г. не превышало 30% от довоенного [23, д. 598, л. 15, д. 599, л. 8, д. 636, л. 15].

В этих условиях уровень механизации основных сельскохозяйственных работ в тамбовских колхозах резко снизился. Уже в ходе хлебоуборочных работ 1941 г. на полях Тамбовской области широко применялась простейшая сельхозтехника и ручной инвентарь: крюки, косы, серпы в военные годы стали основным орудием труда тамбовского колхозника. Вывоз собранной сельхозпродукции на элеваторы и заготовительные пункты осуществлялся на лошадях, коровах и волах или «на себе» – пешком за 10 – 20 км [4, с. 51; 9, с. 284, 285, 293; 23, д. 598, л. 17]. Сокращение в колхозах и совхозах из-за мобилизаций и массового падежа в 4 раза конского поголовья (с предвоенных 150 тыс. до 39 тыс. в 1944 г.) вынудило производить вспашку в основном на коровах и волах [1, с. 33; 9, с. 285, 293]. В ряде колхозов численность лошадей упала в 10 и более раз [8, с. 54]. Оставшийся рабочий скот был сильно истощен и поэтому малопродуктивен. Нередко, главным образом ближе к концу войны, пахотные работы проводились исключительно силами людей [5, с. 10; 9, с. 293].

Нехватка техники и живой тягловой силы усугублялась катастрофическим дефицитом на селе в годы войны рабочих рук. За время войны сельское население края отправило на фронт около 400 тыс. мужчин трудоспособного возраста, из них свыше 300 тыс. в 1941–1942 гг. Только за счет воинских мобилизаций сельское население Тамбовщины сократилось к началу 1943 г. до 1284 тыс. человек или на 17%, а к началу 1945 г. – до 1148 тыс. человек или на 25%. Кроме того, сотни тысяч сельских жителей в 1941–1943 гг. были мобилизованы на строительство промышленных объектов за пределами области. В итоге в 1944 г. сельское трудоспособное население даже с учетом подростков 12–15 лет и эвакуированных составляло только 40% от довоенной численности – 277 тыс. человек [Там же, с. 6, 10; 3, с. 96-104; 14, с. 41; 23, д. 596, л. 21].

Единственный путь решения кадровой проблемы областные партийные и государственные структуры видели в тотальной трудовой мобилизации сельского населения: начиная с 8–10 лет и заканчивая 80-летними [5, с. 10; 17, с. 31; 15, с. 278]. С осени 1941 г. в периоды наивысшего напряжения сельскохозяйственных работ в целях скорейшей уборки урожая и выполнения государственного плана хлебозаготовок решениями местных советов в районах области вводились временные трудовые повинности – под угрозой уголовного наказания разрешалось привлекать к сельскохозяйственным работам местное трудоспособное население с 16-летнего возраста [16, с. 193]. Весной 1942 г. постановлением правительства было узаконена возможность принудительного использования городского и сельского трудоспособного населения, не занятого в промышленности и на транспорте, а также учащихся в сельском хозяйстве [6, с. 44, 45]. Особенно массовым стало участие в сельхозработах тамбовских школьников (прополка, сбор колосьев): летом 1941 г. на полях области работало свыше 100 тыс. школьников, в ходе уборки хлеба в 1942 г. – 59 тыс., летом 1943 г. – свыше 123 тыс., в хлебоуборочных работах 1944 г. принимало участие, по неполным данным, 51 тыс. учащихся [21, с. 42; 23, д. 604, л. 25 об., д. 634, л. 11, д. 636, л. 13].

Стремительное сокращение численности трудоспособных мужчин (в ряде колхозов в десятки раз) резко повысило роль женского и подросткового труда в сельском хозяйстве. Удельный вес женщин в тамбовских колхозах к концу войны мог достигать до 90% и выше. В 1943 г. он составил в среднем по области 61%. В 1942 г. на долю колхозниц пришлось 65,4% выработанных трудодней [7, с. 16; 19, с. 94; 20, с. 39]. В массовом количестве женщинам пришлось осваивать профессии председателей колхозов, трактористов, комбайнеров. Весной 1942 г. численность женщин-трактористов достигла 4,7 тыс. человек, летом 1943 – 4,9 тыс., то есть примерно 50% от общего числа [23, д. 590, л. 22, д. 598, л. 26]. Весной 1942 г. в Тамбовской области ололо 4,5 тыс. женщин работало механиками, бригадирами, шоферами, 300 – комбайнерами [6, с. 42].

Исключительно велика была в сельском хозяйстве в годы войны роль молодежи. В 1943 г. доля работников сельского хозяйства Тамбовской области в возрасте до 26 лет достигала 65% [2, с. 209]. В 1944 г. доля молодежи составляла 80% среди трактористов и 90% среди комбайнеров области [23, д. 632, л. 48]. В ходе хлебозаготовительной кампании 1942 г. 2/3 сданного государству колхозами хлеба было доставлено на заготовительные пункты молодыми колхозниками [2, с. 212]. В 1944 г., по официальным оценкам, на долю сельской молодежи пришлось свыше 60% летних сельхозработ [23, д. 636, л. 35].

Однако частичная компенсация мобилизованных на фронт колхозников за счет подростков и стариков не являлась решением проблемы кадров. Из-за поголовного ухода с началом войны старых специалистов в армию тамбовскому селу крайне требовались квалифицированные механизаторы и управленцы – председатели колхозов, бригадиры. Самым страшным был кризис первых месяцев войны, когда призыв в армию 15 тыс. механизаторов поставил под вопрос своевременную уборку урожая и озимый сев 1941 г. Срочная организация краткосрочных курсов трактористов и комбайнеров позволила к началу сезона на 1/3 удовлетворить потребность в специалистах и избежать хозяйственной катастрофы в 1941 г. [6, с. 42]. В дальнейшем была создана школа председателей колхозов, курсы бригадиров, звеньевых. Тем не менее, ситуация с колхозными кадрами в области оставалась сложной до 1943–1944 гг. К лету 1944 г. для сельского хозяйства было подготовлено 1200 председателей колхозов, что составило не более 1/3 их реальной потребности в годы войны, и 23 тыс. механизаторов – со значительным превышением плана. Однако уровень подготовки механизаторских кадров в годы войны, судя по отчетам начальников школ механизации, был несравнимо хуже, чем в мирное время [Там же, с. 42, 51; 9, с. 296; 23, д. 598, л. 19, 20].

В годы войны уровень эксплуатации колхозного крестьянства достиг чудовищных размеров. Выполнение плана поставок сельскохозяйственной продукции государству требовало нечеловеческих усилий. В период сельскохозяйственных работ рабочий день в колхозах длился с 4–5 часов утра и до 10 вечера. Скирдование, молотьба и вывоз хлеба на заготовительные пункты осуществлялись круглосуточно [6, с. 43; 17, с. 3]. Большинство работ выполнялось вручную. В условиях резкого сокращения количества рабочих рук в сельском хозяйстве области в 2–3 раза выросла трудовая нагрузка в колхозах, перед войной составлявшая в среднем 3–4 га. посевных площадей на человека [7, с. 17]. Суточной рабочей нормой для колхозника являлось: во время сева – 1 ц зерна вручную, во время уборки – 208 снопов [4, с. 51]. На протяжении войны в области росли сезонные (весенние, осенние) задания по пахотным работам: весной 1942 г. – не менее 9 га. на пахаре с лошадей или двумя волами, осенью 1943 г. – не менее 60 га. на пахаре на паре лошадей или 22 га. на паре коров [23, д. 597, л. 2об., д. 601, л. 38 об., 39].

Сокращение количества рабочих рук в сельском хозяйстве государство компенсировало повышением минимальной ежегодной нормы выработки для каждого колхозника до 100–150 трудодней (апрель 1942 г.). По Тамбовской области этот показатель согласно постановлению правительства составил 120 трудодней. Одновременно постановление СНК СССР «О дополнительной оплате труда трактористов МТС и колхозников...» (май 1942 г.) предусматривало материальное поощрение передовиков производства [6, с. 44; 10, с. 281–282]. В Тамбовской области в годы войны фактическая средняя выработка на одного колхозника выросла в 2–2,5 раза, составив в 1941 г. 215 трудодней, а в 1942 г. – 263 [7, с. 17; 9, с. 287]. Однако постановление правительства о дополнительной оплате труда колхозников не нашло широкого применения среди тамбовского крестьянства [23, д. 599, л. 7 об.].

Реальное состояние сельскохозяйственного производства в Тамбовской области в годы войны далеко не совпадает с оценками, приведенными в нашей краеведческой литературе и публицистике (исключение составляют недавние работы С. А. Есикова и В. Л. Дьячкова, а так же превосходный двухтомный сборник документов, изданный в 2007–2008 гг. под ред. В. Л. Дьячкова) [3, 4, 5, 7, 18]. Описанные выше кадровые и технические трудности в полной мере отразились на проведении колхозами и совхозами посевных, уборочных работ и выполнении плана обязательных поставок продукции государству.

В 1941 г. область получила исключительно высокий урожай зерновых – в среднем 13 ц. с га., что создало благоприятные возможности для выполнения государственных обязательств по хлебу (план – 523,7 тыс. т). Однако в процессе уборки были допущены потери, достигшие 1/4 урожая – в среднем 3 ц. на гектар. Из-за нехватки рабочей силы осталось не убранными 150 тыс. га. (9%) зерновых, овощных и технических культур. Обмолот собранного урожая к концу января 1942 г. едва достиг 72% (по плану должен был завершён к 10 октября). Темпы хлебосдачи составили в 2–3 раза ниже довоенных. В результате к апрелю 1942 г. план хлебопоставок государству в целом по области был выполнен только на 61,8%, а передовым Шапкинским районом – на 95%. Колхозы сдали государству 325 тыс. т зерновых или 49% к плану [2, с. 209; 16, с. 205; 18, с. 977, 989–991, 1005, 1093]. Принятие обкомом партии решения о премировании колхозников каждым десятым мешком собранного с полей картофеля позволило своевременно убрать урожай картофеля. За этот

шаг руководство области получило выговор сверху [15, с. 275]. План озимого сева в 1941 г. по причине нехватки техники, горючего и кадров механизаторов был выполнен лишь на 80% (не посеяли свыше 100 тыс. га зерновых), а вспашки зяби – на 4%, что означало резкое увеличение объема посевных работ весной следующего года. В целом, годовой план тракторных работ был выполнен на 84,1% [2, с. 209; 18, с. 989-991].

К началу весенних полевых работ 1942 г. колхозы и совхозы Тамбовщины оказались неподготовлены: к марту семенной фонд составлял лишь 41% от требуемого, нуждалось в ремонте 44% тракторного парка (2500 машин), предстояло обучить пахоте 97 тыс. коров [23, д. 553, л. 33, 73, д. 554, л. 36, 37]. Одновременно правительство повысило для Тамбовской области плановые задания по поставкам овощей (на 4 тыс. тонн) и хлеба, в связи с чем предстояло на 11% (184 тыс. га.) увеличить посевные площади в колхозах и совхозах [16, с. 200, 204; 23, д. 554, л. 16]. Получение областью государственной семенной ссуды позволило выполнить план весеннего сева приблизительно на 80%. По женским тракторным бригадам средний показатель производительности на весеннем севе не превысил 65% к запланированному [23, д. 590, л. 22, д. 598, л. 11]. Вместе с тем, план озимого сева был выполнен полностью – засеяли на 122 тыс. га. больше, чем в 1941 г. Однако с подъемом зяби колхозы и совхозы области опять не справились, вспахав лишь 31% площадей [9, с. 285; 23, д. 590, л. 46].

В 1942 г. урожай в колхозах был убран своевременно, однако план государственных хлебопоставок (525 тыс. т.) к концу года был выполнен только на 50% – сдано 262,4 тыс. т. [9, с. 285; 2, с. 213; 18, с. 1019, 1115]. Всего за 1942 г. колхозы области сдали государству 258 тыс. тонн зерновых (36,3% к плану), что составило 58% к уровню 1940 г., и полностью рассчитались по овощепоставкам, сдав продукции на 5,6 тыс. тонн больше прошлого года [9, с. 285, 297; 18, с. 1093].

Сельскохозяйственная кампания 1943 г. проходила в условиях прогрессирующего кризиса производства. К началу года площади посевов зерновых в колхозах и совхозах Тамбовской области сократились на 177 тыс. га, составив 86-87% довоенных [9, с. 297]. Почти вытесненными из севооборота оказались посевы кормовых культур и трав (до войны – 100 тыс. га.). Долг тамбовских колхозов государству по хлебопоставкам с учетом прошлых лет достиг 330–340 тыс. тонн [23, д. 598, л. 35, д. 599, л. 7 об.]. Во многих районах наблюдалась острая нехватка семян. В целом, к началу весеннего сева обеспеченность колхозов и совхозов семенами составляла 63%, и только выделение колхозниками из личных запасов на 200 тыс. га. семян позволило обойтись незначительной, в сравнении с прошлыми годами, государственной семенной ссудой. Тем не менее, именно из-за недостатка семян колхозы были вынуждены весной 1943 г. отказаться от сева зерновых на площади 60 тыс. га. [6, с. 48, 49; 23, д. 596, л. 21, д. 598, л. 35, д. 605, л. 13-15].

В 1943 г. тамбовскому селу впервые была оказана помощь со стороны правительства, которое списало или отсрочило до урожая 1944 г. основную часть задолженности по зерновым – 280 тыс. тонн, уменьшило задания по сдаче хлеба для совхозов, оказало помощь специалистами, горючим, запасными частями [6, с. 51; 23, д. 598, л. 35].

Весенний сев в 1943 г. прошел успешнее, чем в предыдущем: план сева был выполнен на 92% (из 43 районов лишь 11 справилось с заданием). План тракторных работ для МТС – 540 тыс. га., был выполнен на 85%. Из 4900 женщин-трактористок справилась с заданием только каждая седьмая. Тракторный парк долго бездействовал из-за некачественного ремонта и технического обслуживания. Еще хуже оказался результат деятельности тракторного парка МТС в целом за год – к ноябрю объем пахотных работ составил 64% от запланированного. Из-за низких темпов подъема паров план озимого сева колхозы и совхозы в 1943 г. выполнили лишь на 57%, засеяв на 250 тыс. га. меньше, чем в предыдущем году. Это означало срыв хлебозаготовительной кампании 1944 г. Вместе с тем несколько лучше, в сравнении с предыдущими годами, был проведен подъем зяби – к ноябрю 50% от предусмотренного планом [23, д. 598, л. 11, 13, 13 об., 16 об., д. 599, л. 7 об., 8, 63, д. 600, л. 118, д. 641, л. 1-3].

Для выполнения плана хлебопоставок в 1943 г. по подсчетам областного руководства требовалось получить среднюю урожайность зерновых не менее 8-9 ц. с га. В действительности она составила 3-5 ц. с га., то есть в два раза ниже. Настоящей катастрофой этого года стала гибель почти 50% (свыше 200 тыс. га) посевов озимой ржи. В этой ситуации надежды на успешное проведение хлебозаготовительной кампании рухнули: к ноябрю 1943 г., когда уборочные работы были завершены на 92% площадей, план хлебопоставок колхозами был выполнен всего на 30% [23, д. 598, л. 35, д. 599, л. 7, 7 об., 63]. В этом году колхозы области сдали государству лишь 131,3 тыс. тонн зерна (60,5% к плану) – в два раза меньше прошлогоднего. Совхозы, полностью рассчитавшись с государством, сдали хлеба в 6 раз меньше, чем в 1940 г. [9, с. 296, 297; 18, с. 1093].

В 1944 г. правительство уменьшило колхозам Тамбовской области государственные задания по сдаче хлеба (план – 327 тыс. т.), увеличило на 25% областной семенной фонд (обеспеченность колхозов семенами составляла к началу года менее 50%), списало 60 млн. руб. задолженности за пользование техникой МТС, отсрочило до 1945–1946 гг. погашение долга по обязательным поставкам продукции государству [6, с. 53; 18, с. 1111].

Государственная поддержка помогла тамбовской деревне дотянуть до конца войны. На ее заключительном этапе обозначились и некоторые положительные тенденции: на 70 тыс. га. увеличились посевные площади весной 1944 г. и еще на 130 тыс. га. – весной 1945 г.; в 1944 г. впервые за войну МТС области перевыполнили план весенних тракторных работ, вспахав в 1,5 раза больше, чем в прошлом году – 767 тыс. га. или 102% к плану. Однако в целом весенний сев составил в 1944 г. 84%, а в 1945 г. – 87% к плану. По-прежнему

неудовлетворительным был результат осенних пахотных работ – в 1944 г. вспашка зяби составила всего 53% от запланированной. В 1944 г. область сдала государству 265,5 тыс. т. хлеба. Всего же, за четыре года войны, обескровленный сельскохозяйственный сектор Тамбовщины дал государству около 1 млн. тонн зерновых – лишь в два раза больше, чем за один предвоенный 1940 г. Гигантских размеров к концу войны достигли колхозные залежи, составив в 1944 г. 771 тыс. га. или 60% довоенных посевных площадей [1, с. 33, 34; 18, с. 1115; 20, с. 46; 23, д. 632, л. 43, 48, 49, 60, д. 636, л. 15].

Тяжелый удар нанесла война по животноводческому хозяйству края. В первую же военную зиму погибло свыше 50 тыс. голов скота, а за 1942 г. – 135 тыс. Однако в целом в 1941–1942 гг. из-за притока в область эвакуированного скота (121 тыс. голов) ситуация складывалась относительно благополучно: к концу 1941 г. в колхозах поголовье коров увеличилось на 50%, свиней на 30%, овец на 16%; за 1942 г. прирост по крупному рогатому скоту составил еще 14% (15,4 тыс.), а по свиньям почти 40% (30 тыс.) к довоенному уровню [9, с. 285; 18, с. 965; 23, д. 554, л. 7, д. 560, л. 43 об., 49 об.]. Тревожным в начале войны было лишь положение с конским поголовьем, которое к началу 1942 г. сократилось только в колхозах на 1/4, составив 107,1 тыс. [9, с. 297].

В 1943–1944 гг. ситуация резко ухудшилась. Из-за отсутствия необходимой кормовой базы и должного ухода от болезней и истощения пала значительная часть поголовья скота. Зимой 1942–1943 г. в ряде районов области падеж конского поголовья достиг 20–25%. Только за 8 месяцев 1943 г. в колхозах на 15,3% сократилась численность крупного рогатого скота, на 10,4% – свиней. За 1943–1944 гг. колхозы лишились 36 тыс. лошадей, в том числе 22,5 тыс. – в течение первых 10 месяцев 1943 г. [23, д. 596, л. 21, д. 597, л. 2, д. 599, л. 7 об., 36 об., д. 632, л. 35]. В результате к началу 1944 г. конское поголовье в колхозах составило 44% (62 тыс.), а коров и быков – 86% (94,5 тыс.) к довоенному [9, с. 297].

К 1944 г. значительно сократилось поголовье скота в личных хозяйствах колхозников: крупного рогатого – на 25%, свиней – на 50%, овец и коз – на 20% [23, д. 599, л. 7 об.]. Личный скот шел под нож в целях пропитания, подписки на государственные займы, уплаты ежегодного денежного и натурального налога, который включал 40 кг мяса и 200–230 л молока (9 кг сливочного масла) [4, с. 51; 9, с. 293].

В этих условиях поставленная правительством перед колхозами задача увеличения в течение 1943 г. поголовья скота и его продуктивности Тамбовской областью была не выполнена. На 1 ноября план развития животноводства был выполнен по лошадям на 72%, крупному рогатому скоту – на 76%, свиньям – на 58%, овцам – на 81%. Осенью 1943 г. только 26% колхозов Тамбовщины имели необходимую кормовую базу, хотя в целом по области обеспеченность кормами достигала 85,6% [23, д. 598, л. 26 об., д. 599, л. 29 об., 30]. Совхозы области в 1943 г. в целом рассчитались с государством, однако объем их поставок снизился по мясу в 6 раз, а молоку – в 11 раз по отношению к предвоенному уровню [9, с. 287, 296].

Необходимость обеспечения выполнения государственных заданий по сдаче животноводческой продукции заставила областное руководство приложить максимум усилий по устранению кризисных явлений в этом секторе. В 1944 г. значительно улучшилась обеспеченность области кормами, наблюдался прирост по крупному рогатому скоту и овцам, снизился падеж лошадей, увеличился объем государственных поставок мяса и молока. Если к июлю 1943 г. план сенокосения и силосования по области был выполнен соответственно на 52% и 9,2%, то к июлю 1944 г. эти показатели составили 78,6% и 30%. В 1944 г. среди сельской молодежи развернулось социалистическое соревнование по заготовке кормов для скота, в котором по неполным данным приняло участие свыше 800 комсомольско-молодежных бригад. Штаты животноводческих ферм пополнились 2200 молодыми колхозниками. Осенью 1944 г., по указанию обкома ВЛКСМ при участии 10 тыс. молодых колхозников был проведен месячник по подготовке скотодворов к зиме, в ходе которого было отремонтировано свыше 4000 помещений. Тем не менее, принятые меры не позволили области выполнить план развития животноводства в 1944 г. [23, д. 598, л. 14 об., 15, д. 632, л. 5, 8, 35, 43, д. 634, л. 54 об., д. 636, л. 15, 16, д. 688, л. 22].

Картина сельскохозяйственных кампаний на Тамбовщине в годы войны была бы неполной без признания трудовых заслуг жителей села, особенно молодежи. Развернувшееся с 1942 г. в сельских районах социалистическое соревнование среди молодежных женских тракторных бригад за выполнение плана весеннего сева приобрело в 1944–1945 гг. всеобщий характер и имело значительный практический результат. Если весной 1942 г. в соревновании участвовало 82 тракторные бригады (741 человек), а весной 1943 г. – 67 бригад (637 человек), то весной 1944 г. – 882 (5000 человек), а весной 1945 г. – 990 (5995 человек), то есть 70% всех тракторных бригад Тамбовской области. Если в 1942–1943 гг. результаты соревнования были весьма скромными – большинство трактористок не справилось с заданием (в 1943 г. – 92 га. на трактор на весеннем севе), то в 1944 г. на весеннем севе в среднем на трактор было выработано по 126 га. и 455 (51,6%) бригад справилось с заданием на 120–250%. Если в 1944 г. лишь 270 (30%) бригадам удалось справиться с заданием на 100 – 140%, то в 1945 г. годовой план на 100 – 330% выполнили уже 834 бригады (84%). На протяжении войны росли рекордные показатели: в 1942–1943 гг. лучшие бригады М. Брыксиной и Е. Поповой вырабатывали на весеннем севе по 250–260 га на трактор, а весной 1944 г. передовые трактористы вспахивали по 400 га. Если в 1944 г. лишь немногие бригады добивались 500 га средней выработки на трактор, то в 1945 г. их количество составило 119. Абсолютным рекордсменом Тамбовской области в годы войны стала бригада Е. Дегтярева, у которой годовая выработка на трактор составила 1059 га. в 1944 г. (план выполнен на 282%) и 1800 га в 1945 г., то есть в 2,5 – 4,5 раза больше среднего показателя 1940 г. [23, д. 590, л. 1–7, 22–30, 45, д. 598, л. 13 об.–15, д. 641, л. 1–3, д. 632, л. 7, д. 636, л. 9, д. 639, л. 9, д. 641, л. 52–54, д. 669, л. 1 об.–2].

Большую роль в доставке обмолоченного хлеба на заготовительные пункты в годы войны сыграли комсомольско-молодежные транспортные бригады, число которых в 1942 г. превысило 2000 (вывезли 2/3 собранного урожая зерновых), в 1943 г. составило 1935, а в 1944 – 1335 [2, с. 212, 216, 221].

Непосильные государственные задания по поставкам сельхозпродукции в годы войны предельно истощили ресурсы тамбовской деревни. Восстановительный процесс, осложненный засухой 1946 г., шел исключительно медленно. Даже в 1947 г. залежи составляли почти 20% довоенных посевных площадей, поголовье крупного рогатого скота в колхозах составляло 79%, лошадей – 43%, свиней – 33%, овец – 70% от довоенного уровня. В совхозах количество скота едва достигло 50% к довоенному уровню [1, с. 41].

Медленное восстановление послевоенной деревни, тяжелые условия жизни ускорили отлив крестьянства в города, что в перспективе привело к глубокому кризису сельскохозяйственного сектора области.

Список литературы

1. Аврех Л. И. Тамбовская партийная организация в борьбе за послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства (1945–1953 гг.). Тамбов, 1961.
2. Бредихин В. Е. Тамбовский комсомол в хлебозаготовках периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Общество и государство в России: традиции, современность, перспективы: сб. науч. ст. Тамбов, 2003. Вып. 1.
3. Дьячков В. Л. Армейский призыв и воинские потери Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны: число, возрастная и социальная структура // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2006. Вып. 4 (44).
4. Дьячков В. Л. Тамбовская деревня в годы войны (по воспоминаниям современников – сельских жителей) // Тамбовская деревня в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: тезисы докладов к научной конференции (апрель 1995). Тамбов, 1995.
5. Дьячков В. Л. Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны: основные направления и результаты деятельности // Вклад Тамбовской области в победу в Великой Отечественной войне: материалы областной научно-практической конференции. Тамбов, 2005.
6. Дьячков Л. Г. Тамбовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Тамбов, 1961.
7. Есиков С. А. Труд в колхозе «Красный коммунар» Алгасовского района в годы войны // Тамбовская деревня в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: тезисы докладов к научной конференции (апрель 1995). Тамбов, 1995.
8. Зарецкий И. А. Село Кузьмина Гать в годы войны (на материалах школьного музея) // Там же.
9. И пыль веков от хартии отряхнув... // Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов, 1993.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7.
11. Народное хозяйство Тамбовской области: статистический сборник. Тамбов, 1957.
12. Там же. Воронеж, 1961.
13. Там же. Тамбов, 1972.
14. Народное хозяйство Тамбовской области за 60 лет: юбилейный статистический сборник. Тамбов, 1977.
15. Поколение, опаленное войной // Великая Отечественная война 1941–1945 годов в воспоминаниях и письмах. Тамбов, 1995.
16. Советы Тамбовской области 1922–1956 гг.: сборник документов и материалов. Воронеж, 1991.
17. Сухороков Н. М. Нравственный подвиг сельчан в первые месяцы войны // Тамбовская деревня в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: тезисы докладов к научной конференции (апрель 1995). Тамбов, 1995.
18. Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов / под ред. В. Л. Дьячкова. Тамбов, 2007. Т. 1.
19. Тамбовская область за 50 лет. 1917–1967: сборник статей. Воронеж, 1967.
20. Шевелев Н. А. Колхозная молодежь в годы Великой Отечественной войны (на материалах областей Черноземного Центра) // Материалы научно-методической конференции. 1969. Белгород: Белгородский пед. ин-т., 1969. Вып. 1.
21. Щербинин П. П. Как школьники и учителя помогали фронту // Тамбовская деревня в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: тезисы докладов к научной конференции (апрель 1995). Тамбов, 1995.
22. 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области: историко-статистический сборник. Тамбов, 1997.
23. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 1184. Оп. 1.

TAMBOV REGION AGRARIAN SECTOR: 1941-1945

Bredihin V. E.

*History and Philosophy Department
Tambov State Technical University
hist@nnn.tstu.ru*

Abstract. The problems of Tambov villages of the period of the Great Patriotic War, namely the condition of the material basis of collective farms, the structure of areas under crops, the course of agricultural and state procuring campaigns, the features of the work of collective-farm peasantry are considered in the article.

Key words and phrases: war; Tambov region; agriculture; mobilization; collective-farm peasantry; work; state procurements.

ПРЕДСЕДАТЕЛИ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ (1866–1892 ГГ.)

Двухжилова И. В.

*Кафедра истории и философии
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»
eriniya711971@mail.ru*

Статья рекомендована к публикации д.и.н., проф. Агарёвым А. Ф. и к.и.н., доц. Протасовой О. Л.

Аннотация. Ведение всех текущих земских дел в масштабе губернии в перерывах между заседаниями губернского земского собрания возлагалось «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» на председателя губернской земской управы. Таким образом, председатель обладал значительной властью в местном самоуправлении. С этой точки зрения представляется интересным познакомиться с личностями людей, занимавших этот пост. Им и посвящена эта статья.

Ключевые слова и фразы: земские учреждения; гласные; земская управа; председатель; субъективный фактор; личность.

Огромную роль в жизнедеятельности земских учреждений играл, как показывают результаты исследований, субъективный фактор. С учреждения земств ведущую роль в этих учреждениях играли дворяне. Их взгляды, цели, возможности накладывали заметный отпечаток на характер земской деятельности. Земствам Тамбовской губернии повезло в том, что в большинстве из них преобладало активное дворянство, настроенное решать местные проблемы, а не рассуждать о государственных пользах. Среднепоместные дворяне-хозяйственники мало занимались политикой, уделяя главное внимание решению хозяйственных задач.

Длительное время в уездных и губернском земствах Тамбовской губернии наблюдалась низкая сменяемость персонального состава, что свидетельствовало о высоком авторитете избранных гласных, большинство из которых являлись дворянами. То же можно сказать и о персональном составе управ.

Целью данной статьи не является создание «портрета среднестатистического тамбовского гласного», ибо это невозможно в принципе (слишком уж разными были эти люди). Общие направления земской деятельности определялись «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. Конкретные задачи, способы их решения и объёмы финансирования определялись уездными и губернскими распорядительными органами земства – собраниями. Осуществление же текущей деятельности возлагалось на управы. Зачастую от их персонального состава зависел успех или, напротив, неудачи в делах. Объектом данной статьи является персональный состав тамбовской губернской земской управы в 1866–1892 гг. и личности её председателей.

Тамбовская губернская земская управа за период с 1866 по 1892 г. (окончание полномочий земских гласных, избравшихся по «Положению» 1864 г.) претерпела некоторые изменения как в численном, так и персональном составе. Первое губернское собрание начало свою работу 8 декабря 1866 г., когда было открыто первое его заседание. На нём была впервые избрана губернская управа. По решению гласных, в нее вошли председатель и пять членов. Социальный состав не отличался разнообразием: председатель (Н. И. Енгальчев) и четыре члена (Б. В. Елагин, А. Л. Игнатъев, П. М. Харинский, И. И. Ознобишин) имели дворянское происхождение, а один являлся государственным крестьянином (С. И. Шишкин) [3].

В 1868 году (собрание происходило в декабре) было решено сократить число членов управы с пяти человек до четырех [6]. Председатель и три члена принадлежали к дворянскому сословию, четвертый был лекарем. В 1869 г. он вышел из состава управы. Главой исполнительного органа был избран усманский и липецкий помещик П. Б. Бланк. Второй раз членом управы был избран генерал-майор в отставке П. М. Харинский, впервые – надворный советник В. А. Колобов, майор М. С. Кишкин и лекарь И. В. Кекин [1].